

ДЕМОКРАТИЯ УЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Автор: В.В. ПЕТУХОВ

Демократические ценности в структуре массового сознания россиян

(ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ)

Прошедшие 15 лет в современной российской истории ознаменовались глубокими переменами в политике и социально-экономических отношениях. За это время в стране сложились первичные основы рыночной экономики, а в политической системе утвердились фундаментальные принципы разделения властей, выборности институтов власти. Но несмотря на масштабность изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими российскими и зарубежными аналитиками как страна и общество переходного типа, перспективы дальнейшей эволюции которого представляются весьма неопределенными. Причем сегодня в оценках специалистов все чаще доминирует скептическое отношение к современному состоянию и перспективам российской демократии как возможной цели посткоммунистической трансформации страны. Это характерно и для транзитологов, обращающих внимание на замедление, а согласно некоторым представлениям, и задержку на пути России к установлению универсальных демократических стандартов, и для сторонников так называемого особого русского пути, делающих акцент на специфике российской "почвы", отторжении ею любых западных моделей развития.

"Масла в огонь" подлило бурное обсуждение поправок к закону о некоммерческих организациях, трансформировавшееся в не менее оживленную дискуссию о судьбах российской демократии и гражданского общества, о тех опасностях и угрозах, которые их подстерегают. Причем в числе носителей угроз демократии в России все чаще называют не только власть, но и общество, которое якобы в ней разочаровалось. В частности, отмечается беспрецедентно низкий уровень доверия граждан к большинству государственных и общественных институтов и, как следствие, синдром неучастия, сформиро-

В статье использованы результаты общероссийских социологических исследований Института комплексных социальных исследований (ИКСИ - до 2002 г. Российский независимый институт социальных и национальных проблем) РАН и ВЦИОМ за 1996 - 2006 гг. Для полноты сопоставимого анализа использовались также результаты исследования "Евробарометр", проводимого в странах Европейского союза. Хотя данное исследование несколько отличается и по объему выборки, и в методическом отношении, тем не менее оно позволяет выявить общее и особенное в восприятии демократических процессов в России и странах Европейского союза.

Петухов Владимир Васильевич - кандидат философских наук, директор ВЦИОМ по исследованиям, заведующий отделом Института социологии РАН.

вавшийся в последнее десятилетие, особенно заметный у молодой, дееспособной части населения. В результате многие исследователи в России и за рубежом приходят к неутешительному выводу, согласно которому, "отдрейфовав" от диктатуры, современная Россия "не причалила" и вряд ли в обозримом будущем "причалил" именно к демократии.

Так, Р. Пайпс, со свойственной ему прямоотой в оценках и суждениях, пишет: "Антидемократические, антилиберальные шаги администрации В. Путина не навязываются русскому народу, а пользуются его поддержкой. И эта поддержка связана, прежде всего, с тем, что Путин восстановил в России традиционную модель управления: автократическое государство, где граждане освобождены от ответственности за политические решения, а для укрепления искусственного единства используются образы воображаемых иностранных врагов" [Пайпс].

Утверждений о дефектности, недоразвитости российской демократии, обусловленной традициями и менталитетом русского народа, о ценностной пропасти, якобы существующей между Россией и цивилизованным Западом, можно привести множество. Однако далеко не все оценки, даваемые российскими и зарубежными исследователями, находят подтверждение в социальной реальности. Исследования последних лет, причем разных социологических центров, свидетельствуют о том, что ситуация с демократией в России и ее восприятием населением страны выглядит не столь однозначной, одномерной и безысходной, как это иногда представляется. Причем, сразу же хотелось бы подчеркнуть тезис об отторжении "русской почвой" демократических ценностей - миф, никак не связанный с действительностью.

Если рассматривать отношение к демократии в качестве критерия уровня развития политической культуры и при условии участия, то можно констатировать, что у россиян нет особых проблем с пониманием того, что есть демократия, а что - нет. Причем само это понимание сложилось еще в перестроечные времена и в целом мало отличается от общепринятого. Не наблюдается особого разочарования россиян в демократии как идее. Более того, вопреки расхожему мнению значительное число россиян сохраняют приверженность многим демократическим ценностям и институтам, запрос на которые сформировался еще в конце 1980-х - начале 1990-х гг., отмечают их значимость для жизни страны и для собственной жизни. Речь идет о тех элементах демократии, которых не было раньше и которые получили развитие в постсоветской России, - реальной выборности органов власти, свободе слова и печати, свободе передвижения, включая свободу выезда за рубеж, свободе предпринимательства.

Ни в начале 1990-х гг., ни сейчас в российском обществе не подвергается сомнению необходимость самого перехода от тоталитарной системы к демократическим формам и принципам правления. И сегодня, спустя 20 лет с начала перестройки, россияне признают важность и объективную предопределенность демократических преобразований, начатых М. Горбачевым, а также некоторых конкретных действий в этом направлении, осуществленных в 1980 - 1990-е гг. Например, по данным исследования ИКСИ РАН, посвященного двадцатилетию перестройки, от 60% до 85% россиян сегодня положительно оценивают реабилитацию жертв сталинских репрессий, снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидацию цензуры, демократизацию выборов, разрешение митингов и демонстраций.

В российском обществе, судя по результатам последних исследований ВЦИОМ, сложилась весьма устойчивая и достаточно многочисленная группа, которая полагает, что демократия - наилучшая форма правления при любых обстоятельствах (40%). Тех же, кто сомневается в этом, считая, что демократические институты в определенных обстоятельствах "пробуксовывают" и нужна диктатура, - 24%. Есть и достаточно многочисленный слой "пофигистов", для которых вообще нет никакой разницы между демократией и диктатурой (27%). Причем приверженцы демократической формы правления - прежде всего, молодые и хорошо обеспеченные россияне (см. рис. 1).

Демократия как понятие настолько многогранно, что люди могут вкладывать в него самый разный смысл, придавая большее значение то одной его стороне, то другой. Рос-

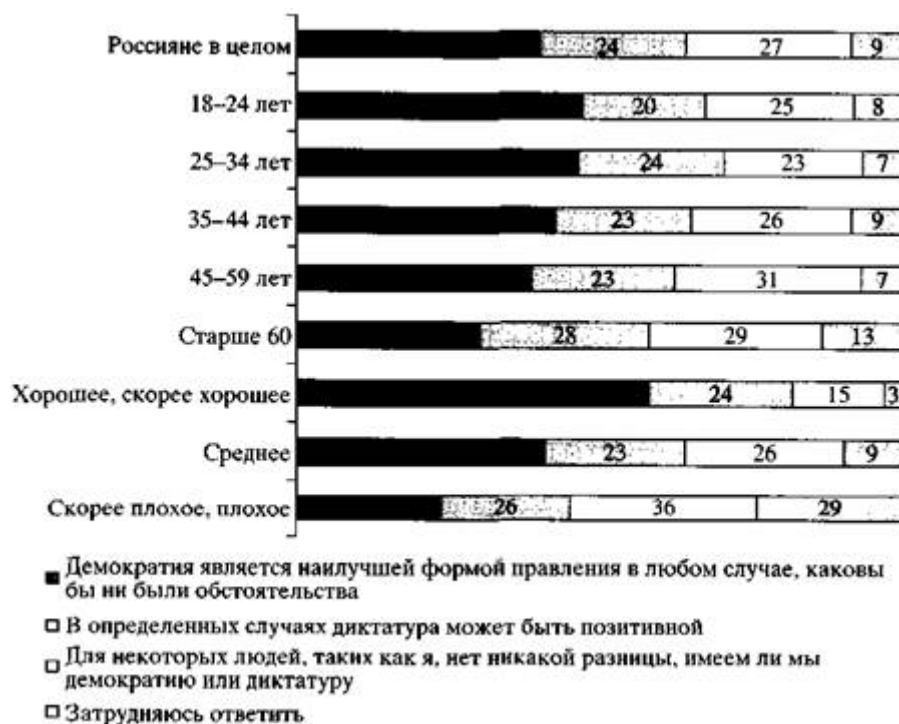

Рис. 1. Какое из следующих мнений о различных формах правления ближе всего к Вашему? (среди респондентов различного возраста и уровня материального положения), в %.

Россияне в массе своей достаточно уверенно определяют ключевые слагаемые демократии, без которых ни одна данная система функционировать не может. Об этом можно судить на основании результатов исследований ИКСИ РАН 1998 - 2006 гг. Так, отвечая на прямой вопрос "Без чего демократия существовать не может", респонденты четко назвали те критерии и элементы, которые имеют первостепенное значение для нынешнего этапа демократии в России. Это прежде всего равенство всех граждан перед законом, независимое судопроизводство, политический плюрализм, свобода СМИ и свободные выборы (см. рис. 2).

То есть в восприятии демократии для россиян важнее всего правовая основа демократического государства (действительное равенство граждан перед законом и независимость суда) и возможности политического самовыражения и "высказывания мнений" (свобода печати, свободное выражение своих взглядов, свободные выборы власти). Обращает на себя внимание, что представления россиян о сущности демократии носят достаточно устойчивый характер. За восемь лет (с 1998 по 2006 г.) каких-то значительных изменений в иерархии политических ценностей не произошло. За исключением того, что значимость принципа равенства всех граждан перед законом выросла, а ценность свободы печати, наоборот, снизилась. Также несколько снизилась доля респондентов, считающих важным право выбирать между несколькими партиями и наличие оппозиции. Это, по всей видимости, отголосок результатов, а главное - хода выборных кампаний последних лет. Что же касается актуализации принципа выборности главы государства, то это, напротив, - ожидания и опасения приближающегося 2008 г., "судьбоносного выбора", исход которого сегодня для большинства россиян неочевиден.

Личные свободы, политические процедуры, самоуправление и инструментальные ценности (участие рабочих в управлении предприятиями, право на забастовку и др.) ока-

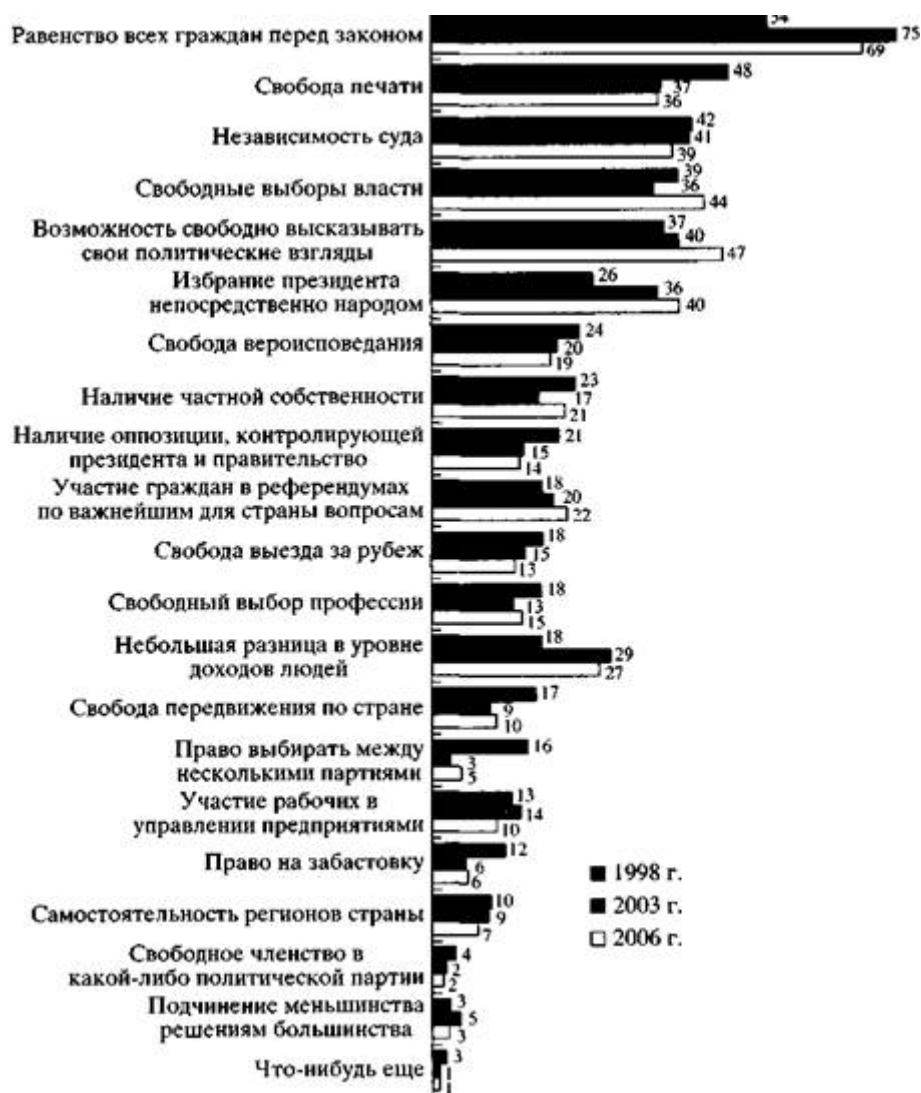

Рис. 2. Без чего, на ваш взгляд, демократия существовать не может?, в %. *Примечание:* сумма ответов превышает 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответов.

зались для россиян существенно менее значимыми, чем, например, небольшая разница в уровне доходов между людьми. Это говорит о несколько поверхностно-формальном восприятии демократии.

Отчасти такое положение связано с тем, что (и об этом свидетельствуют результаты опросов практически всех социологических центров) россияне четко различают нормативные представления о демократии (что должно быть) от реального состояния дел в российском обществе. С этих позиций значительное число граждан отказывают имевшим место преобразованиям в праве называться демократическими. Лишь 15% опрошенных, по данным ВЦИОМ, полагают, что за последние 15 лет в России утвердилась такая демократия, которая полностью отвечает их нормативным представлениям; 37% соглашаются с точкой зрения, согласно которой Россия еще не вполне демократическая

Рис. 3. По Вашему мнению, насколько Россия продвинулась за годы, прошедшие после распада СССР, в деле строительства демократии?, в %.

страна, хотя уже и близка к оптимальной модели. И треть опрошенных уверены, что наша страна так же далека от демократии, как и во времена Советского Союза (см. рис. 3).

Причем, главная претензия к отечественному варианту демократии у россиян - низкий уровень ее эффективности. С социологической точки зрения, оценки эффективности демократии детерминированы многими обстоятельствами: характером политического режима, тем влиянием, которое оказывают демократические институты на политику, динамикой уровня и качества жизни, уровнем социальной защищенности трудящихся, масштабами коррупции, реальным обеспечением прав и свобод граждан, и т.п. В агрегированном же виде в структуре коллективного общественного мнения все они давно и достаточно успешно фиксируются показателем работы демократии. Согласно данным ВЦИОМ, большинство россиян (55%), как и следовало ожидать, не удовлетворены ее работой в нашей стране, удовлетворены чуть более трети (34%).

Если рассматривать этот показатель на фоне стран с давними и глубокими демократическими традициями, то выясняется, во-первых, что в странах Европейского союза, как видно из рисунка 4, эти показатели очень сильно дифференцированы и, во-вторых, что Россия не выпадает из целого ряда стран, таких, например, как Голландия, Германия и некоторые другие, где показатели удовлетворенностью работой демократии очень близки к российским (см. http://ec.europa.eu/publications/booklets/eu_documentation/05/txt_en.pdf).

Что касается названных стран, то у их граждан наверняка есть причины для нелицеприятных оценок эффективности работы демократии в своих государствах. В России же критический настрой связан прежде всего с тем, что демократия в понимании подавляющего большинства россиян - такая организация общественной жизни, которая должна обеспечивать, во-первых, законность и правопорядок, а во-вторых, реализацию социально-экономических прав граждан, чего в реальности многие наши сограждане не ощущают.

То, что сегодня именно такова желаемая модель демократии, - отнюдь не только социокультурная традиция и уж тем более не вековая рабская психология русских, а реакция на вполне конкретные обстоятельства жизни. В частности, на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия - это классическое "общество риска", где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью и т.п., являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможностью строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании

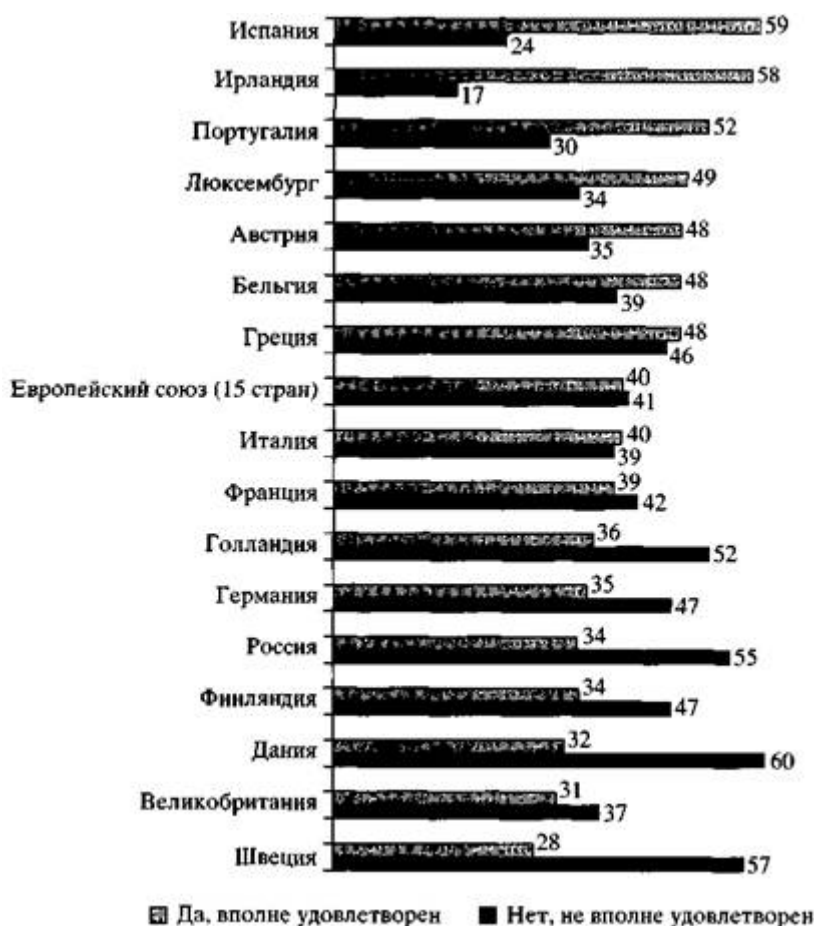

Рис. 4. Удовлетворены ли Вы тем, как работает демократия в Вашей стране?, в %.

многих россиян идеей свободы и безопасности в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то и другое. С данной точки зрения ставить знак равенства между запросом на порядок и запросом на авторитаризм и полицию было бы неправильно и несправедливо.

В этом плане крайне важной представляется проблема, которая многим кажется неразрешимой, - как соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее, в свою очередь, трансформировать в эффективную дееспособную власть? Ведь для всех уже очевидны последствия бегства государства практически из всех областей и сфер жизни общества, которые известный американский политолог С. Холмс в статье под характерным названием "Как слабость государства угрожает свободе" описал так: "...зрелище политической дезорганизации в посткоммунистической России напоминает о глубокой связи между либерализмом и действенной государственной системой. Представление об автономных личностях, которые могут свободно осуществлять свои права, только бы к ним не приставало государство, опровергается тревожными реальностями новой России. Российское общество можно уподобить сломанным песочным часам: верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими - они их просто игнорируют" [Холмс, 1997, с. 140].

Что же касается повышенного внимания россиян к социально-экономической компоненте демократии, то и здесь нет ничего необычного, специфически российского. Везде

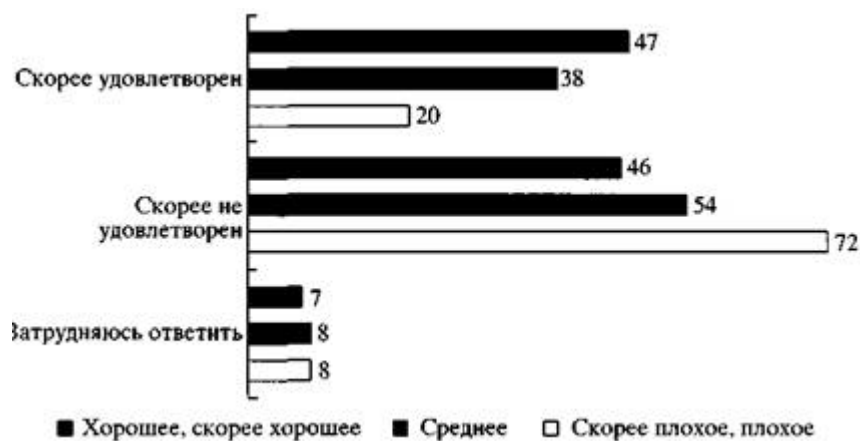

Рис. 5. В целом насколько Вы удовлетворены тем, как "работает" демократия в России? (среди респондентов с различным уровнем материального положения), в %.

и всегда работой демократии больше довольны те, кто успешен, у кого дела идут хорошо. В нашей стране в наибольшей степени удовлетворены тем, как работает демократия, высокообеспеченные россияне (47% при 38% среди среднеобеспеченных и 20% среди малообеспеченных). Соответственно, среди малообеспеченных 72% опрошенных оценивают российскую демократию со знаком "минус", в то время как среди высокодоходных лишь 46% (см. рис. 5).

Россияне, отказывающиеся в праве системе, не обеспечивающей реализацию их социально-экономических прав, именоваться демократической, отнюдь не оригинальны. "Только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью" [Бек, 2001, с. 115]. Случись ситуация, при которой условия жизни в американских городах, например, начнут приближаться к условиям жизни в странах третьего мира, демократии в Америке неизбежно предстоит утверждать себя заново [Лэш, 2002, с. 69].

При этом у россиян нет какого-то особого, исключительно потребительского, меркантильного отношения к демократии. Подобным отношением они лишь сигнализируют властям, что не видят в их деятельности желанья наполнить демократические преобразования решением значимых социальных проблем. Так, по оценкам А. Мельвиля, далеко не во всех постсоветских странах, осуществляющих реформы, аналогичные российским, ухудшение экономических условий сопровождается снижением уровня поддержки демократических институтов и правительств, проводящих эти реформы. Это происходило в тех случаях, когда общество действительно видело, что власть, поддерживая постоянный контакт с народом, в том числе и "разговаривая" с ним, делала все возможное в тех или иных обстоятельствах, но главное - руководствовалась соображениями общественного блага, а не собственной корыстью [Мельвиль, 1998, с. 158]. Ничего похожего в России в последнее десятилетие не наблюдалось. А наблюдалось совсем другое: сращивание бизнеса и власти, в результате чего в общественном сознании твердо укоренилось мнение, которое разделяют около 80% россиян, что демократические процедуры - пустая видимость, а страной правят те, у кого больше богатства и власти.

С этой точки зрения можно констатировать, что общество разочаровалось не столько в самой демократии, сколько в своем политическом выборе, сделанном в начале 1990-х гг. Осуществление социально-политического и экономического проекта, на реализацию которого общество предоставило *carte blanche* Б. Ельцину, не оправдало ожиданий россиян, поэтому негативное отношение к нему было перенесено и на демократи-

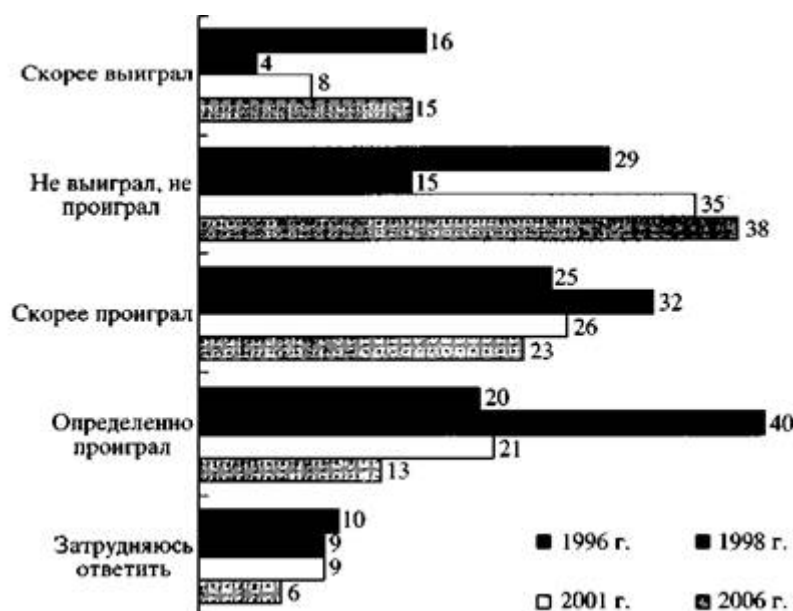

Рис. 6. Как Вы считаете, лично Вы, Ваша семья выиграли или проиграли от демократических перемен, которые произошли в стране?, в %.

ческие процедуры и институты, с помощью которых этот проект воплощался в жизнь. Негативные оценки политической практики периода режима Ельцина, долгое время поддерживаемого западными странами, сказались и на отношении россиян к западной модели демократии, которая в эти годы была предложена в качестве образца для подражания. Очень сильный удар по надеждам россиян получить отдачу от демократических и рыночных реформ нанес, судя по нижеприведенным данным, дефолт 1998 г. Только сейчас число тех, кто полагает, что выиграл или, во всяком случае, не проиграл от этих реформ, приближается к додефолтным временам (1996 г.) (см. рис. 6).

Очень тонкое в этом плане наблюдение сделал С. Хантингтон. В странах, осуществляющих демократический транзит, разочарование в демократических правителях и ностальгия по авторитаризму означали, по его мнению, не конец демократии, а первый шаг в процессе консолидации демократического строя и признак того, что элиты и общества спускаются с головокружительных эфемерных высот демократизации в труднопроходимые "низины" демократии. Они начинают понимать разницу между поддержкой демократии и поддержкой правительств, формируемых в результате демократических выборов. Правительства могут оказаться неудачными, и поэтому должны существовать институционализованные способы их замены [Хантингтон, 2003, с. 281 - 283].

И в результате всех этих обстоятельств в массовом сознании происходит селекция жизненных и ценностных приоритетов, когда ценности демократии и прав человека все чаще воспринимаются как ценности второго, третьего ряда, которые признаются важными, но не актуализированы настолько, чтобы бороться за их утверждение всеми доступными, легальными способами. Даже в социально-экономической сфере, где ситуация с правами граждан уже не может быть интерпретирована только в категориях социальной дифференциации. Возможно, это связано с тем, что многие права и свободы были в свое время октроированы, то есть дарованы свыше, а не стали результатом долголетней борьбы общества за них. Соответственно - и отношение к ним. У россиян, и это надо признать, нет, никогда не было и, по всей видимости, никогда уже не будет эмоционально окрашенного, бережного и даже отчасти религиозного отношения к демократии, как у тех же американцев.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что восприятие россиянами нормативной модели демократии и ее основных ценностных слагаемых и их поведение в современных условиях мало чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий. Во всяком случае, положение, при котором вера в идеалы демократии сочетается со скепсисом в отношении ее способности ответить на новые вызовы времени, имеет фактически повсеместный характер и является первопричиной истощаемости прежней парадигмы демократии, о чем в последние годы много говорят и пишут на Западе. При всех сложностях осуществляемого в России демократического транзита, страна вполне вписалась в контекст общемирового развития, в чем-то, безусловно, уступая развитым демократиям. Вместе с тем процессы, происходящие в ней, адекватны тому этапу развития, на котором она находится, и тем общественным настроениям, которые в ней доминируют.

В то же время неудачи социально-экономических реформ привели к заметному снижению в глазах значительной части россиян инструментальной привлекательности демократии и обусловили сложное, двойственное отношение россиян к ней. С одной стороны, не было поколеблено позитивное отношение к демократии как к оптимальной в истории человеческой цивилизации общественной модели. С другой стороны, у большинства населения демократические ценности не трансформировались в массовые поведенческие установки. Признавая приоритет и значимость демократических ценностей, многие россияне в то же время полагают, что в конкретных условиях современной России в силу разных причин некоторые из этих ценностей не работают, ими можно пренебрегать ради достижения позитивных общественных целей или индивидуальной адаптации к новым порядкам. В результате российская демократия реализовалась в первую очередь на уровне нормативной модели, но не переросла в демократию участия, а отношение к ней большинства граждан можно охарактеризовать как благожелательный скептицизм.

Политическая активность и гражданское участие

Между тем одна из фундаментальных основ любой демократической системы - участие граждан в общественной и политической жизни страны, которое, в принципе, должно "захватывать" все компоненты политической системы, с одной стороны, а с другой - задавать через запросы различных групп и слоев населения основные приоритеты общественного развития. Но это в теории. В действительности все выглядит несколько иначе. Рационально-активистская модель политического участия, утвердившаяся в развитых демократиях, вовсе не предполагает участия в общественной и политической жизни всех, всегда и в одинаковых формах. Нет ничего экстраординарного в "приливах" и "отливах" активности, равно как и в некоторой отстраненности значительного числа граждан от политики. Не случайно даже сторонники партиципальной концепции демократии не склонны это участие абсолютизировать, рассматривать его в качестве универсального средства для решения всех общественных проблем.

В свою очередь, элитисты не отрицают фундаментальную ценность участия и в основном акцентируют внимание на ряде "подводных камней", которые возникают тогда, когда в обществе нарушен баланс между массовым участием и эффективным компетентным управлением. В частности, указывается, что очень серьезной проблемой для демократической теории и практики является вопрос гражданской компетентности рядового члена демократического общества, его способности адекватно и на подлинно рациональной основе оценивать сложную структуру современной социальной реальности.

Эти угрозы, безусловно, существуют, но, как справедливо отмечают Д. Коэн и Э. Арато, полемизируя со сторонниками элитистской модели демократии, если из "демократического оборота" изымается непосредственное участие граждан, то практически невозможно определить, является ли государственное устройство той или иной страны демократическим или нет, поскольку утрачивается главный критерий, позволяющий отличить подлинно демократический процесс от формального ритуала, систематического манипулирования и управляемого согласия [Коэн, Арато, 2003, с. 28 - 29].

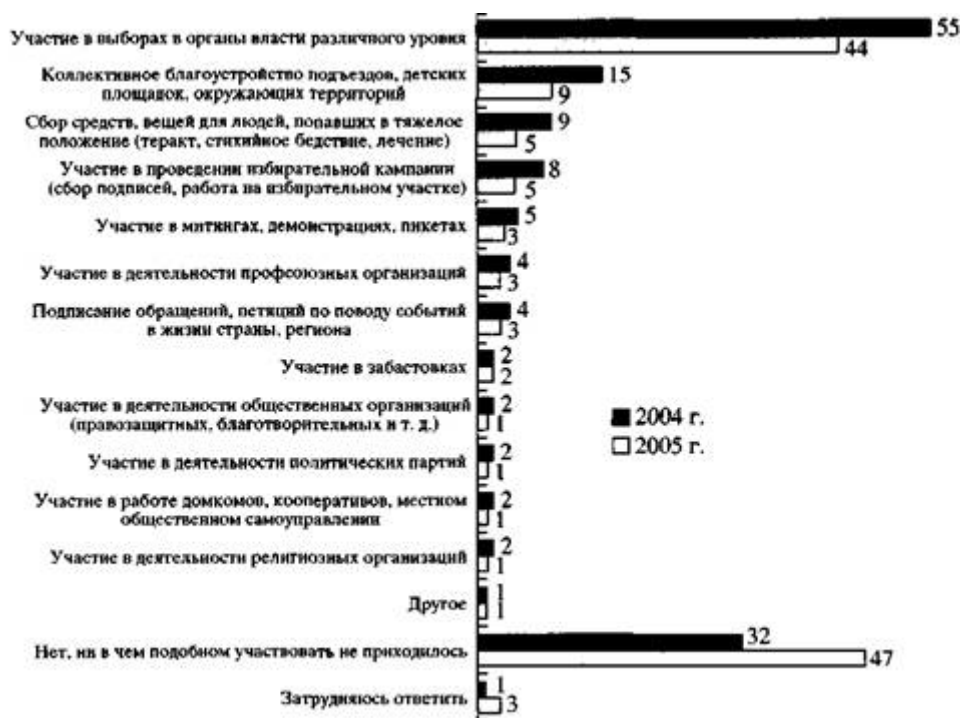

Рис. 7. Лично Вам приходилось за последний год участвовать в общественной и политической жизни? (отметьте все, в чем вам приходилось участвовать), в %.

Возникает, однако, вопрос: насколько старый спор сторонников партиципальной демократии, предполагающей больше участия, и элитистов, уверенных, что лучше не будет, сегодня актуален для России? Представляется, что весьма актуален. После беспрецедентного всплеска политической активности и самостоятельности масс конца 1980-х - начала 1990-х гг. общество перешло в "глухую самооборону", и все исследования последних лет фиксируют постоянно снижающийся уровень политической активности россиян.

Выросло целое поколение людей, которые уже ничего не ждут ни от власти, ни от общественных институтов и действуют в автономном режиме. Их жизненная энергия направляется в сферы и области, как правило, далекие от политики. Общий уровень общественной и политической активности, несмотря на спорадически возникающие то тут, то там протестные выступления, судя по исследованиям, не только не растет, но снижается год от года (см. рис. 7).

Какой-то особой дифференциации в уровне и интенсивности участия респондентов разных социальных групп исследования не зафиксировали. Лишь молодежь чуть более индифферентна, чем представители среднего и старшего поколения. Особенно это касается электоральной активности. Если в выборах в органы власти разного уровня участвовали 34% респондентов в возрасте 18 - 24 года, то среди представителей старшего поколения (45 - 59 и старше 60 лет) - 46% и 48%, соответственно. Традиционно больший уровень электоральной активности демонстрирует российская глубинка, село и малые города, в столицах же и в крупных индустриальных центрах этот уровень заметно ниже.

Только за последний год число тех, кто не принимал участия ни в каких формах общественной и политической деятельности, выросло с 32% до 47%. Единственной формой влияния на власть, которая востребована значительным числом россиян, остаются выборы. Обращает на себя внимание и то, что россиянами менее всего востребованы виды активности и участия, связанные с традиционными институтами - партиями, проф-

союзами, общественными организациями. И наоборот, заметно больше приверженцев находят спонтанные, самоорганизующиеся формы участия (причем неполитического характера) - такие, как коллективное благоустройство территорий, помощь людям, попавшим в беду.

Обычно в российской и зарубежной литературе, особенно в политической публицистике, постоянно снижающийся уровень политической включенности граждан объясняется, в первую очередь, олигархизацией власти, усилением ее закрытости и ростом авторитарных тенденций в политике, сужением пространства публичной политики и т.д. Отчасти это так и есть. Как справедливо в свое время подчеркивал Г. Дилигенский, "в современном обществе политика является демократической, если ее творцы и действующие лица руководствуются внутренним психологически укорененным "категорическим императивом", повелевающим им считаться с жизненными интересами, мнениями, устремлениями рядовых граждан, воспринимать эти интересы и мнения как "социальный заказ", подлежащий выполнению" [Дилигенский, 1995, с. 21]. Любому непредвзятому наблюдателю, однако, очевидно, что концепция "восприимчивой" демократии не имела и не имеет ничего общего с посткоммунистической Россией. Постсоветским элитам, контролировавшим власть в России в 1990-е гг. и нацеленным прежде всего на перераспределение бывшей государственной собственности, было явно не до общества. Не случайно еще в середине 1990-х гг. у большинства россиян (до 80%) выработалось стойкое убеждение в том, что российские власти мало интересуют мнение простых людей, что людям, правящим страной, безразлична судьба отдельного человека.

Но это - лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что спад политической активности последних 10 - 15 лет был объективно предопределен целой совокупностью иных причин и обстоятельств, связанных не только с властью, но и с эволюцией самого российского общества. По мере того как Россия все больше становится современным обществом, многие общественные движения могут развиваться относительно независимо, в том числе и от властей. Проблема массовости участия перестает быть актуальной, уступая место проблеме эффективности. Давно прошли времена, когда политика начиналась там, где миллионы. Сегодня даже маленькие группы активистов благодаря современным средствам коммуникации могут оказывать заметное влияние на общественное мнение, а через него и на власти. Существующие общественные формирования многим кажутся слабыми потому, что они до сих пор сравниваются со стомиллионной "армией" российских профсоюзов или сорокамиллионной "армией" российского комсомола. Между тем у них своя аудитория и свое влияние.

На масштабах активности сказалось и то, что исчез "госзаказ" на участие. В советской системе существовал строго иерархический механизм социальной мобильности для политической элиты (хозяйственной, партийной, профсоюзной, комсомольской и прочей номенклатуры), но одновременно имелся своеобразный "государственный заказ" на общественную самодеятельность, на участие в общественной жизни как дополнительное, но очень существенное условие профессиональной самореализации. Сегодня этого не требуется. Соответственно, подавляющее большинство россиян, как, впрочем, и граждан любого другого общества, действуют в соответствии с концепцией рационального выбора. Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве некоего "социального лифта", то, естественно, жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. Это прежде всего работа, образование, семья, дети, ближний круг, творчество, досуг и т.п. В России появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и неучастием. Судя по нынешнему уровню политической активности, правом на неучастие многие воспользовались в полной мере.

Сказывается и то, что политика сегодня гораздо менее актуализирована, чем 10 - 15 лет назад, когда политические баталии проходили в центре общественного внимания, вызывали неподдельный интерес, а лидеры политических партий были любимцами и кумирами миллионов людей. С тех пор многое изменилось. В настоящее время серьезную конкуренцию партиям и политикам в борьбе за умы россиян составляет индустрия

развлечений и массовой культуры, которая продвигает свои собственные мировоззренческие конструкты и образы, модели поведения, оказывающие в силу своей эмоциональной окрашенности большее влияние на людей, чем привычные для политиков формы работы с массами. Например, постепенное сокращение информационно-аналитического вещания на центральных каналах российского телевидения - отнюдь не только "козни" властей или "теленачальников". Как показал один из опросов ВЦИОМ, за такие изменения высказалась почти половина россиян. При этом развлекательное телевидение предпочитает прежде всего молодая часть аудитории. Соответственно, каналы, за которыми "маячат" рекламодатели, не могут не учитывать настроений главных для себя зрителей - потребителей рекламного продукта.

Наконец, сложившаяся ситуация была предопределена тем, что политический процесс сегодня заметно усложнился, на него начинают оказывать влияние все большее число субъектов. И в "полный рост" стоит проблема способности "простого человека" адекватно и рационально реагировать на усложняющуюся структуру социальной реальности, на перемены, происходящие в обществе, смысл которых далеко не всем очевиден. Пока самая простая и распространенная форма реакции на все это - делегирование полномочий и ответственности "наверх". Другая, еще более распространенная форма реагирования - замыкание в частной жизни, потеря интереса ко всему, что происходит за пределами непосредственной среды обитания. Но одновременно, и это также важно иметь в виду, россияне в массе своей отнюдь не безразличны к происходящему в стране и в мире, демонстрируя при этом не только интерес к общественно-политической жизни, но и предрасположенность к различным формам общественной активности.

Для того чтобы понять особенности реальной ситуации, рассмотрим более подробно, каковы на самом деле уровень, характер политического участия россиян, каковы его нынешнее состояние и потенциал дальнейшего развития. Традиционно под политическим участием понимается прежде всего включенность граждан в различные политические и общественные процессы. Мнения же начинают расходиться, когда заходит речь о том, можно ли расширительно трактовать этот феномен и включать в него интерес граждан к политической жизни страны. Обычно те, кто разводит интерес к политике и непосредственную включенность в нее, аргументируют это тем, что интерес может носить созерцательный характер, никак не связанный с конкретной деятельностью. Отчасти это верно, все опросы показывают, что людей, интересующихся политикой, заметно больше, чем тех, кто в ней участвует. Но, с другой стороны, нередки случаи, когда люди участвуют в политической жизни, причем весьма активно, не имея ни малейшего представления, зачем им это нужно и к чему это участие может привести. И еще неизвестно, что лучше: пассивный интерес к политике или спонтанная немотивированная активность.

Если говорить об интересе к политике, то опросы показывают, что его нельзя назвать высоким. В то же время, судя по исследованиям "Евробарометра", он примерно такой же, как в большинстве стран Европы. Российское общество делится по этому критерию практически пополам: тех, кто в той или иной степени интересуется политикой - 48% и столько же тех, кто политикой если и интересуется, то от случая к случаю, или не интересуется вовсе - 50%, соответственно¹. Такой же уровень интереса к политике демонстрируют жители таких европейских стран, как, например, Болгария, Португалия, Норвегия, Бельгия и некоторые другие (http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf).

Так же, как и там, больший интерес к политике проявляют прежде всего средние слои населения, в первую очередь потому, что их социальный статус и имущественный

¹ Аналогичные результаты получены в ходе исследования "Наши ценности и интересы сегодня", проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Как отмечает, в частности, Н. Лапин, в настоящее время сформировался дифференцированный интерес людей к политике, который, в свою очередь, вдвое уступает интересу к повседневным житейским делам, к достижению "скромных целей" [Лапин, 2003, с. 85].

Таблица 1 Интерес к политике среди респондентов разных возрастных и доходных групп, в %

		Интересуюсь (безусловно интересуюсь, скорее интересуюсь)	Не интересуюсь (скорее не интересуюсь, совершенно не интересуюсь)	Затруднились ответить
Всего опрошенных		48	50	2
Возраст, лет	18 - 24	37	62	1
	25 - 34	41	57	2
	35 - 44	54	44	2
	45 - 59	53	45	2
	60 и старше	51	46	3
Оценка своего материального положения	Очень хорошее, хорошее	44	53	3
	Среднее	50	48	2
	Плохое, очень плохое	46	51	3

уровень в большей степени, чем у богатых и бедных, зависит от приверженности существующей системе в целом и тем механизмам и процедурам, с помощью которых она существует и воспроизводится. Кроме того, представители этих групп, как правило, более активно включены в разнообразные сети социального взаимодействия и, соответственно, более компетентны и информированы. Как видно из нижеприведенных данных, и верхи и низы (в имущественном смысле), а также самые молодые и самые пожилые россияне демонстрируют несколько более низкий уровень интереса к политической жизни, чем средние группы (как возрастные, так и имущественные). В этих группах больше тех, кто в той или иной степени интересуется политикой, тогда как в других преобладают политически индифферентные респонденты (см. табл. 1).

Безусловно, включенность в общественную и политическую жизнь не ограничивается лишь интересом к политике. Важны и другие установки и ориентации, касающиеся, в частности, степени участия, уровня информированности и компетентности о происходящих в обществе процессах и явлениях, потенциале влияния. Если оценивать всю совокупность условий, необходимых для эффективного участия, то ситуация выглядит довольно противоречивой. Исследования показывают, что абсолютно одинаковое количество респондентов соглашается с прямо противоположными суждениями, касающимися, с одной стороны, важности участия, а с другой - возможности такого участия. 69% опрошенных признают, что вовлечение граждан в общественно-политическую жизнь, в решение текущих государственных дел абсолютно необходимо для нормального функционирования общества. И ровно столько же полагают, что такие люди, как они, данной возможности не имеют.

Этот парадокс легко объясним, учитывая, что большинство опрошенных (61% и 72%, соответственно), по их собственному признанию, не разбираются в хитросплетениях российской политики и не представляют, что нужно сделать, чтобы голос отдельного человека, прежде всего их собственный, мог быть услышан при принятии важных государственных решений. У респондентов более "продвинутых" групп и в этом случае показатели чуть выше, чем у среднестатистических россиян. 38% респондентов, оценивающих свое материальное положение как хорошее и очень хорошее, весьма информированы о политической жизни страны. Примерно столько же (37%) полагают, что такие люди, как они, могут оказывать влияние на деятельность правительства. Чуть меньше (29%) представителей этой группы знают, как донести свое мнение до властей. Для сравнения - среди респондентов, оценивающих свое материальное положение как среднее и плохое, таковых оказывается практически в два раза меньше (15% и 13%, соответственно). Единственно, в чем нет практически никаких различий - в необходимости уча-

Таблица 2 Согласие/несогласие с суждениями об уровне информированности и включенности россиян в общественно-политическую жизнь, в %

Варианты ответов	Россияне в целом	Самооценка материального положения		
		очень хорошее, хорошее	среднее	плохое, очень плохое
Я достаточно хорошо представляю, что сейчас происходит в политике и текущих государственных делах				
Скорее согласен	33 38 33			30
Скорее не согласен	60 58 59			63
Затрудняюсь ответить	7 4 8			6
Такие люди, как я, не имеют возможности оказывать влияние на действия правительства				
Скорее согласен	69 61 68 73			
Скорее не согласен	26	37	26	22
Затрудняюсь ответить	5	2	5	5
Люди должны больше участвовать в политической жизни и текущих государственных делах				
Скорее согласен	70 70		71 66	
Скорее не согласен	19	20	18	21
Затрудняюсь ответить	11	10	11	13
Я понимаю, что делать, чтобы мой голос был услышан, когда речь идет о важных государственных проблемах				
Скорее согласен	16	29	15	13
Скорее не согласен	73	63	72	77
Затрудняюсь ответить	12	8	13	10

ствия граждан в общественной и политической жизни. С этим соглашаются и высоко-, и средне- и малообеспеченные россияне (см. табл. 2).

Итак, результаты опросов показывают, что почти половина россиян живо интересуется политической жизнью. Почти треть заявляют о том, что они не просто интересуются, а хорошо политически информированы. При этом лишь чуть больше 15% знают, как свой политический интерес трансформировать в конкретное политическое действие, как сделать так, чтобы их голос был услышан. В этом главная проблема современной России и ее отличие от стран с давними демократическими традициями. Причем не только России, но и некоторых наших бывших "союзников" по политическому "соцлагерю".

В России, как видно из нижеприведенных данных, доля уверенных в важности и необходимости участия примерно такая же, как и во многих странах Центральной и Восточной Европы. И если уступает показателю по странам Европейского союза, то совсем немного (70% и 75%, соответственно). Напротив, в ЕС заметно больше критично настроенных граждан, уверенных, что уровень их реального влияния на действия властей явно недостаточен (81% в среднем по странам ЕС и 69% по России). В то же время в странах ЕС в два раза больше, чем в России, уверенных в своей политической компетентности (34% против 16%). Причем по этому показателю Россия занимает предпоследнее место, опережая лишь Болгарию².

В таких странах Европы, как Голландия, Дания, Финляндия, Швеция, уровень уверенности граждан в том, что они хорошо знают, как влиять на власть, составляет 52%-67%, тогда как в России, Эстонии, Польше, Румынии, Болгарии, Хорватии, Литве, Чехии, Латвии, Венгрии, Словакии, Словении - 13%-29%. Ни одна из стран Центральной и Во-

² Опрос был проведен в октябре-ноябре 1999 г. среди жителей 15 стран ЕС. В опросе приняли участие по тысяче человек из каждой страны в возрасте старше 15 лет, статистическая погрешность не превышает 3,1% (http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf).

Таблица 3 Доля согласных с суждениями об уровне информированности и включенности в общественно-политическую жизнь, %

	Люди должны быть в большей степени вовлечены в политику	Влияние на деятельность правительства таких людей, как я, весьма незначительно	Я знаю, как сделать мой голос услышанным при принятии важных политических решений
Норвегия	93	71	45
Швеция	91	74	54
Германия	87	85	36
Исландия	86	77	45
Люксембург	81	79	34
Чехия	80	89	26
Финляндия	80	71	58
Швейцария	79	65	45
Дания	79	60	52
Европейский союз	75	81	34
Италия	75	77	34
Франция	74	88	33
Эстония	74	86	25
Польша	73	89	17
Кипр СУ	73	77	35
Великобритания	73	77	31
Австрия	72	82	36
Греция	72	80	35
Турция	72	61	46
Голландия	70	71	67
Россия	70	69	16
Латвия	69	86	28
Словения	69	83	29
Испания	68	74	33
Мальта	68	71	34
Бельгия	67	81	35
Ирландия	67	72	31
Румыния	66	78	24
Болгария	65	87	13
Хорватия	65	84	20
Литва	64	88	21
Словакия	63	86	29
Португалия	57	80	27
Венгрия	53	87	26

сточной Европы по этому показателю не дотягивает до среднеевропейских. Что же касается стран Северной Европы, то все они известны как страны, где модель государства всеобщего благосостояния реализовалась в наибольшей степени и где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (см. табл. 3). То есть прослеживается обратная зависимость между потенциалом включенности, степенью чувствительности властей к общественному мнению и уровнем благосостояния людей. Итак, во всех странах существует заметный разрыв между уверенностью основной части населения в том, что участие граждан в общественно-политической жизни желательно, и уровнем реальной вовлеченности и влияния граждан на политический процесс. Но в России этот разрыв весьма впечатляющ - 70% и 16%. На этом фоне вполне

закономерным выглядит то, что политическая активность граждан все последние годы остается на сравнительно низком уровне.

До последнего времени и власть, и политический класс в целом устраивала ситуация, при которой участие граждан не выходило за пределы такой традиционной формы, как голосование на выборах. Во всяком случае, уже лет десять российские политики, причем самых разных направлений, делали все, чтобы выдвинуть на обочину политической жизни общественные институты, которые не носили название "политическая партия".

В последнее время ситуация начала меняться, причем радикально. После "льготного кризиса" начала 2005 г. в России и волны "оранжевых революций", прокатившихся по постсоветскому пространству, интерес к демократии участия и тому, что принято называть гражданским обществом, резко возрос - как у власти, так и у оппозиции. Это выразилось в том числе и в широком общественном обсуждении законопроекта о некоммерческих организациях, формировании Общественной палаты и т.д.

Это может только радовать, если не принимать в расчет нынешнее состояние гражданского общества в России. Безусловно, в стране есть множество общественных объединений, приносящих стране и людям огромную пользу. Причем зачастую они выполняют ту работу, которую не может или не хочет выполнять государство. Но немало и таких, которые живут своей собственной жизнью и о которых большинству граждан мало что известно. Так, около 60% опрошенных на вопрос о том, слышали ли они что-нибудь о деятельности некоммерческих общественных организаций в их регионах, дали отрицательный ответ.

Однако даже те, кто что-то о них слышали, имеют весьма смутное представление, чем же эти организации на самом деле занимаются. Но дело не только в этом. Большинство существующих в России общественных объединений и особенно некоммерческих организаций трудно считать ячейками низовой гражданской самоорганизации и солидаризма. Это либо филантропические организации, либо клубы по интересам, либо органы правовой и иной помощи и защиты. Крайне редко подобного рода организации создаются снизу самими людьми для реализации каких-то своих интересов. Именно поэтому многими они не рассматриваются в качестве "агентов" демократического участия.

А где действительно заметно живое творчество масс, так это в растущих в последнее время молодежных объединениях, многие из которых трудно причислить к организациям демократического толка. Причем эти объединения работают в режиме, альтернативном большинству существующих в России институтов, и добиваются, особенно в последнее время, весьма впечатляющих результатов. Во всяком случае, их потенциал "прямого уличного действия" значителен и, судя по всему, будет только возрастать.

В этой связи можно констатировать, что гражданское общество политически и идеологически нейтрально, в его недрах могут возникать и укрепляться как вполне демократические структуры и институты, так и совсем не демократические. История знает массу примеров, когда именно гражданское общество опрокидывало демократические институты и приводило к власти тоталитарные фашистские режимы, как это было в 1920-е - 1930-е гг. в Германии и Италии.

Россияне, как могут, сопротивляются радикализации общественной жизни. Они оставляют за собой право на протест, но склонны выражать его исключительно в мирных, легальных формах. Подавляющее их число выступает категорически против радикальных методов политической борьбы, особенно когда к ним прибегает молодежь. В первую очередь это касается тех методов, которые могут нанести физический и моральный ущерб политическим противникам - драки, избиения, а также обливание соком, забрасывание помидорами, и т.д. Столь же неприемлемы, по мнению подавляющего числа россиян, захват и удержание административных зданий, формирование боевых отрядов при политических партиях (от 71% до 83% выступают категорически против и считают, что это совершенно недопустимо). Перекрытие дорог и магистралей считают недопустимым 54% опрошенных. Заметно спокойнее воспринимают россияне политические голодовки и несанкционированные властями политические митинги и демонстрации, которые в той или иной степени считают допустимыми в политической борьбе почти каждый второй россиянин - 52% (см. рис. 8).

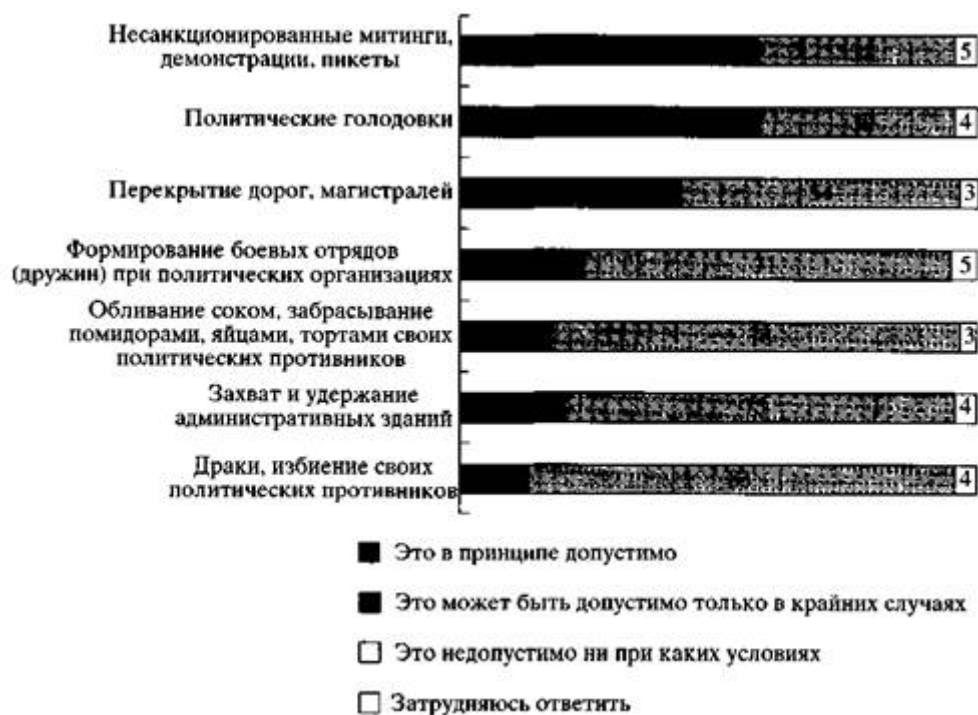

Рис. 8. В последнее время многие молодежные политические организации стали прибегать к радикальным способам отстаивания своих интересов. Как Вы считаете, что из нижеперечисленного допустимо в политической борьбе, а что - нет?, в %.

Но, как показывают опросы, есть активное меньшинство (4%-5%), готовое идти "на баррикады". И есть примерно такая же и даже чуть большая доля россиян, готовая оправдать и поддержать радикальные формы политической борьбы. Между тем наша история знает примеры, когда именно меньшинство навязывало стране свое видение решения значимых общественных проблем. В этих условиях возникает закономерный вопрос: можно ли сократить дистанцию между политикой для избранных и массовым гражданским участием и при этом направить активность, прежде всего молодежи, в мирное русло? Трудно, но можно, если удастся "разморозить" общественную и политическую жизнь и не пытаться строить гражданское общество аналогично тому, как еще недавно российские законодатели и политики строили партийную систему. Для всех уже очевидны бессмысленность и бесперспективность избыточной регламентации деятельности партий, когда судьба выборов зависит не столько от избирателей, сколько от судей и адвокатов. В еще большей степени это относится к структурам гражданского общества, многие из которых просто уйдут в тень. А для некоторых, прежде всего молодежных, организаций легальный статус, признание официальных властей, доступ к СМИ в условиях постоянно действующего "майдана" в Интернете не так уж важны. Хотя, конечно, какая-то инвентаризация общественных институтов, безусловно, необходима. Ведь сегодня даже приблизительно не известно, сколько же в России реально действующих общественных объединений и некоммерческих организаций.

Так или иначе, сегодня очевидна необходимость создания условий, при которых жизненная энергия, направленная на индивидуальную личностную самореализацию, как-то сочеталась с вовлечением, прежде всего молодежи, в общественную жизнь. А это, в свою очередь, возможно только при условии выхода демократии за рамки политической сферы.

С этой точки зрения очень важным представляется теоретическое структурирование концепта гражданского общества, предложенное Коэном и Арато, предполагающее, в

частности, разграничение гражданского общества как совокупности не зависимых от государства акторов и каналов коммуникации от политического общества, являющегося сферой жизни партий, политических организаций и органов публичной политики, прежде всего парламентов [Коэн, Арато, 2003, с. 8 - 9].

Но между этими сферами, как и между политическим и общественным участием, нет жесткого водораздела. Более того, демократизация гражданского общества должна открывать путь в политику новым субъектам, предлагающим для обсуждения новые проблемы и ценности. Они не могут и не должны заменять собою партии, но способны включить их в широкий общественный контекст, приблизить к интересам широких слоев населения.

В данном плане очень важны, на мой взгляд, процессы низовой самоорганизации, которые пока находятся вне поля внимания исследователей и широкой общественности. Имеются в виду внешне не очень заметные, но тем не менее идущие достаточно интенсивно процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных обществ. Делегируя управленческие и политические функции "наверх", многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но в еще большей степени - готовности к такого рода участию в будущем. Отличительная особенность России - то, что здесь, как нигде, широкое распространение получили движения "одного требования". Имеются в виду движения автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т.п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой - очень организованны и эффективны.

Рассмотренные формы участия, в отличие от большой политики, не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы, прежде всего, активной, дееспособной частью общества. Эти, а также упоминавшиеся ранее формы участия на локальном уровне (или, как их еще называют, коммьюнитаристские) представляют интерес не только потому, что позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей. Они стимулируют их к общению, в каком-то смысле расширяют сферу досуга и создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных обществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

Ведь настоящая демократия, кроме всего прочего, - такая организация общественной жизни, которая позволяет каждому человеку выбирать жизненные стратегии в соответствии с собственными приоритетами, будь то политика, семья, работа, творчество, досуг и т.д. И чем больше этих возможностей будет, тем больше будет пространство свободы и демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию. М., 2001.
- Диллигенский Г.* Политическое развитие России в переходный период // Политический процесс в России: современные тенденции и исторический контекст. Центр комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия политология. Вып. 10. М., 1995.
- Коэн Д. Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
- Лапин Н. И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // СОЦИС. 2003. N 6.
- Лэйш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.
- Мельвилль А.* Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая. М., 1998.
- Пайнс Р.* Бегство от свободы: что думают и чего хотят россияне ("Foreign Affairs", США) // <http://www.inosmi.ru/translation/210029.html>.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.
- Холмс С.* Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. Гражданское общество. 1997. N 3.